

А К А Д Е М И Я Н А У К У З Б Е К С К О Й С С Р

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания девятый

11

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ

Х. Т. ТУРСУНОВ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Глубокое изучение и освещение истории национально-освободительного движения народов Средней Азии имеет исключительно важное значение. Оно необходимо, прежде всего, для всестороннего анализа объективных исторических предпосылок победы Великой Октябрьской социалистической революции.

«Социальная революция, — писал В. И. Ленин, — не может произойти иначе, как в виде эпохи соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»¹.

В. И. Ленин учил, что для успеха самих национально-освободительных движений необходимо соединение их с рабочим революционным движением. Только под руководством пролетариата во главе с Коммунистической партией борьба угнетенных наций против империализма может привести их к полной победе.

Теоретические положения и выводы В. И. Ленина получили дальнейшее развитие в программных документах КПСС, в трудах руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

В Программе КПСС указывается, что партия большевиков соединила в один революционный поток борьбу рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянскую борьбу за землю, национально-освободительные движения народов России и направила эти силы на свержение капитализма. В этой связи изучение истории национально-освободительного движения в Средней Азии дает ценнейший материал для характеристики развития освободительной борьбы народов бывших национальных окраин России под влиянием революционной борьбы русского рабочего класса в канун социалистической революции. Это изучение дает четкое представление об истоках и процессе укрепления связей между социалистическим движением русского пролетариата и национально-освободительным движением народов окраин, способствует освещению истоков нерушимой дружбы народов нашей страны, идеологии социалистического интернационализма.

Не следует забывать, что изучение освободительных движений имеет важное значение для воспитания советской молодежи на лучших революционных традициях героического прошлого народов нашей страны.

Изучение и обобщение исторического опыта национально-освободительных движений в дореволюционной России имеет большое политическое и практическое значение в нынешнюю эпоху бурных национально-

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 112.

освободительных антиимпериалистических революций, распада мировой колониальной системы. Исторический опыт освободительной борьбы народов России являет собой яркий пример для угнетенных народов Азии, Африки и Латинской Америки, борющихся за свою свободу и независимость. И именно поэтому воинствующие идеологи антикоммунизма, буржуазные фальсификаторы истории стремятся извратить, опорочить историю нашей Родины, историю национально-освободительного движения в России, в том числе в Средней Азии. Разоблачение буржуазных фальсификаторов истории, оказание помощи нашим зарубежным друзьям, борцам за свободу, демократию и социализм в изучении подлинной истории революционного движения наших народов — прямой долг советских историков.

Как известно, советские историки уже в довоенные годы добились положительных результатов в исследовании истории национально-освободительного движения в России и, в частности, в Средней Азии. Мы имеем в виду прежде всего труды С. Муравейского, Е. Федорова, А. В. Шестакова, Т. Рыскулова, З. Д. Кагельской, П. Галузо и других.

Однако отрицательные явления периода культа личности — догматизм, начетничество, нетерпимое отношение к творческой мысли, пренебрежение к историческим документам, замалчивание и даже искажения тех или иных фактов и событий пагубно отразились на исследовательской работе в исторической науке, в том числе в изучении национально-освободительных движений. Именно в те годы (особенно после выхода в свет статьи Багирова «О реакционной сущности движения горцев под водительством Шамиля») появились неправильные тенденции, искажающие историю национально-освободительных движений и в Средней Азии.

В те годы из тематических планов исследований и изданий почти совершенно исчезли вопросы истории национальных движений. Заброшено было изучение и обобщение архивных документов.

Многие национальные движения объявлялись реакционными, даже такое крупное национально-освободительное движение, как восстание 1916 г., было охарактеризовано некоторыми историками (Ю. Тарасов, Т. Колесникова и др.) как сплошь антинародное, инспирированное иностранной разведкой.

Разумеется, и в годы культа личности были трезвые выступления историков против догматических извращений истории национальных движений. Однако общая обстановка того периода не позволяла широко развернуть научную разработку проблемы.

Ошибочные положения о характере национальных движений в Средней Азии были допущены и в сводных трудах. Так, во второй книге I тома «Истории Узбекской ССР» многие национальные движения голословно характеризовались как реакционные, а некоторые из них не были упомянуты вообще.

В ряде статей и выступлений периода 1951—1953 гг. автором этих строк при оценке характера некоторых национальных движений были допущены поверхностные, неправильные высказывания, ошибочность которых была осознана нами лишь впоследствии.

Характер Андижанского восстания был обсужден на специальной дискуссии, проведенной в Академии наук УзССР в 1950 г. Андижанское восстание сравнивалось тогда с движением Шамиля, и оба они были объявлены реакционными.

Исторические решения XX—XXII съездов КПСС, решительная борьба партии по преодолению культа личности и его отрицательных

последствий создали благоприятные условия и для творческого развития советской исторической науки.

Появились новые труды П. Г. Галузо², А. Г. Зима³, П. А. Ковалева⁴ и других авторов, посвященные национально-освободительным движениям народов Средней Азии. Особое внимание уделялось истории восстания 1916 г. в Средней Азии. В 1960 г. был издан общесоюзный академический сборник документов «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане». Автор настоящей статьи, стремясь исправить свои прежние ошибки в оценке некоторых национальных движений, на основе дополнительного изучения документов и сбора воспоминаний написал книгу «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», получившую одобрение научной общественности. Однако мы считаем исследование этой проблемы далеко не завершенным. Автор продолжает работу над дополнительным изучением ряда исторических событий и фактов, глубже раскрывающих национально-освободительный характер этого движения, которому в будущем, 1966 г. исполнится 50 лет.

Надо прямо сказать, что в целом исследование многих национальных движений с марксистско-ленинских позиций по-настоящему еще не развернуто. По-прежнему нет ясности в оценке Кокандского восстания 1873—1875 гг., восстания 1873—1876 гг., восстания 80-х годов в Ферганской долине, Андижанского восстания 1898 г., восстания в Бухаре 1910 г. и др. В исторической литературе продолжают бытовать противоречивые точки зрения, причем оценка прогрессивности или реакционности тех или иных национальных движений дается голословно, без должного научного анализа фактов и событий. Это вытекает прежде всего из недостаточной изученности архивных материалов.

У нас еще редко проводятся творческие дискуссии по проблеме истории национальных движений.

Чтобы наглядно показать, какая путаница допускается у нас в оценке национальных движений, приведем в качестве примера эволюцию во взглядах ряда историков на характер Кокандского восстания 1873—1876 гг.

В первом издании «Истории народов Узбекистана» (1947) Кокандское восстание 1873—1876 гг. было изложено под общим названием «Восстание Пулатхана». Этот раздел в объеме трех страниц (242—244 стр.) был составлен на основе материалов неизданной кандидатской диссертации Х. Ш. Иноятова, посвященной восстанию Пулатхана.

Восстание 1873—1876 гг. характеризуется здесь как национально-освободительное движение. Вместе с тем авторы подчеркивали противоречивые стороны восстания. В частности, отмечалось, что «по своему характеру движение это было очень сложно. Началось оно с восста-

² П. Г. Галузо, К ленинским оценкам предпосылок объединения национальных движений в России с революционной борьбой рабочего класса за социализм, в кн.: «Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции», М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 3—16.

³ А. Г. Зима, О характере восстания 1916 г. в Киргизии, Труды Института языка и литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, Фрунзе, 1954.

⁴ П. А. Ковалев, Восстание 1916 г. в Средней Азии и русская буржуазия, Труды САГУ, вып. 46, Гуманитарные науки, кн. 5, Ташкент, 1953; его же, Народные восстания и волнения в узбекских и таджикских районах Туркестана (в июле и августе 1916 г.), Труды САГУ, Новая серия, Исторические науки, кн. 11, Ташкент, 1956; его же, Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957; его же (в соавторстве с Х. Т. Турсуновым), Восстание 1916 г. в Узбекистане, в кн.: «История Узбекистана», т. 1, кн. вторая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956.

ния трудовых масс кочевников киргизов против кокандских феодалов, вызванного налоговой политикой Худояр-хана. Как всякое крестьянское движение в условиях феодального строя, движение носило стихийный характер. Восставшие провозгласили ханом самозванца Исхак-муллу (Пулат-хана). Массовое движение было использовано феодалами, борющимися против ханской власти и придавшими ему обычные для феодальной эпохи черты мятежа вассалов против своего сюзерена. Когда же восстание превратилось в национально-освободительную войну против иноземных завоевателей, феодалы, испуганные размахом движения, отошли от него, нашли почву для соглашения с царизмом и предали народные массы»⁵.

Примерно в 1953 г. появилась уже другая точка зрения, которая была выражена в трудах К. Усенбаева. Он делит Кокандское восстание на две части — прогрессивную (восстание 1873—1874 гг.) и реакционную (восстание 1875—1876 гг.).

К. Усенбаев писал, что восстание 1873—1874 было народно-освободительным движением, направленным против феодально-колониального гнета со стороны Кокандского ханства. «Восстание 1873—1874 гг. явилось одним из крупных в истории киргизского народа XIX века. Оно охватило всю Южную Киргизию и выходило за ее пределы. В нем участвовали 132 500 кибиток киргизов»⁶.

Что же касается восстания 1875—1876 гг., то, как утверждает автор, оно было реакционным, феодально-монархическим выступлением, направленным на сохранение средневековой ханской власти.

Такая же оценка восстания дана в I томе «Истории Киргизии» (1956), где в 3-м параграфе VI главы говорится, что «восстание 1873—1874 гг. по существу явилось борьбой народных масс Южной Киргизии за освобождение от господства Кокандского ханства, которое подвергало их жесточайшему национальному и политическому гнету»⁷.

Здесь отмечается, что восставшие киргизы обращались с просьбой о присоединении Южной Киргизии к России, чтобы избавиться от тяжелого гнета кокандских ханов, но Кауфман отклонил это ходатайство⁸.

Восстание Пулатхана 1875—1876 гг. оценивается как клерикально-националистическое. «В июле 1875 года борьба против Коканда началась с новой силой. После присоединения к восстанию изменивших хану войск, правителей отдельных городов, а также крупнейших феодалов, беков, хакимов, датхи, военно-чиновничьей знати, мусульманского духовенства и других элементов, недовольных усилением влияния России в Кокандском ханстве, резко изменился социальный состав восставших и характер самого восстания. Во главе восстания встали Абдурахман Автобачи и другие феодалы. С этого момента восстание приобрело антирусский характер. Представители трудящихся, участвовавшие в нем в его начале, стали отходить от борьбы. По существу восстание превратилось в феодально-монархическое выступление, которое тянуло к укреплению патриархально-феодальных устоев и сохранению отсталой ханской власти в Коканде и ее господства над Киргизией. Участники этого выступления, борясь против России,

⁵ История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1947, стр. 244.

⁶ К. Усенбаев, О характере восстания в Южной Киргизии в 1873—1876 гг., Тезисы доклада на научной конференции, посвященной вопросу о характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX — начале XX вв. 12—16 мая 1953 года, Киргизский филиал АН СССР, Фрунзе, 1953, стр. 3.

⁷ История Киргизии, т. I, Изд-во АН КирССР, Фрунзе, 1956, стр. 280.

⁸ Там же, стр. 281.

ориентировались на отсталые государства Востока, за спиной которых стояла капиталистическая Англия»⁹.

Почти аналогичная с этим оценка характера Кокандского восстания дана и во втором издании «Истории Узбекской ССР»¹⁰.

Итак, в последних изданиях «Истории Киргизии» и «Истории Узбекской ССР» высказываются идентичные взгляды, сущность которых сводится к следующему:

1. Восстание 1873—1874 гг. было национально-освободительным движением, направленным против произвола Худоярхана и узбекских феодалов. Участники этого восстания выступали за добровольное присоединение к России.

2. Восстание 1875—1876 гг. носило реакционный характер, поскольку участники его добивались сохранения ханского режима и феодально-патриархальных отношений.

Таким образом, здесь логически исключается всякая возможность видеть в Кокандском восстании антиколониальное выступление против царизма, с чем трудно согласиться.

За последние годы появилась новая оценка Кокандского восстания. Так, П. Г. Галузо считает восстание 1873—1875 гг. прогрессивным движением, направленным против агрессии царизма¹¹. Руководители восстания свергли Худоярхана за то, что он помог «белому царю» захватить Коканд. Поэтому П. Г. Галузо критикует некоторых историков, объявивших это восстание реакционным.

В критике П. Г. Галузо есть своя логика. Соппротивление народов Средней Азии царским завоевателям было закономерным явлением. В ходе самого завоевания еще не выявились прогрессивные последствия присоединения края к России. Поэтому было бы неправильным говорить о том, что восстание 1873—1876 гг. было направлено «вообще против русских». Не следует перечеркивать антиколониальное сопротивление народов края, которое неизбежно порождалось самим вторжением царских войск.

На наш взгляд, Кокандское восстание в целом было несомненно национально-освободительным, народным движением, направленным как против царизма, так и против ига Худоярхана. Но в процессе восстания к нему примкнули феодально-клерикальные элементы, стремившиеся использовать народное движение в своих интересах.

Этот вопрос требует более тщательного изучения, с тем чтобы конкретно выяснить степень участия реакционных элементов в восстании и их влияния на ход движения в тот или иной период.

Все еще слабо изученным остается вопрос о движущих силах национальных движений, без выяснения которого невозможно определить и характер этих выступлений.

Национальный вопрос и, в частности, национальное движение, являются в то же время вопросами крестьянскими. Сущность и размах национально-освободительной борьбы можно понять лишь в тесной связи с исследованием состояния классовой борьбы внутри общества.

Народность того или иного движения определяется прежде всего его движущими силами, степенью участия народных масс и целями борьбы. Основными движущими силами обычно выступают крестьянство, ремесленники, городская беднота.

⁹ История Киргизии, т. I, стр. 283—284.

¹⁰ История Узбекской ССР, т. I, кн. вторая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1966, стр. 94.

¹¹ П. Г. Галузо, указ. статья, стр. 6.

Крестьянство, как правило, выступающее одной из главных социальных сил национально-освободительного движения, искало в этой борьбе выход из своего тяжелого положения. Однако господствовавшая внутри общества феодально-клерикальная верхушка стремилась отвлечь народные массы от внутренней классовой борьбы и направить их внимание лишь на внешнего врага. Известно также стремление феодально-клерикальных элементов придать этому движению религиозное направление (газават). Боясь перерастания антиколониальной борьбы в типичные антифеодальные крестьянские войны, феодально-клерикальные группы не раз пытались захватить в свои руки руководство стихийным дехканским движением и направить их в нужное им русло — на борьбу против «иноверцев». К тому же надо иметь в виду, что народные крестьянские движения не могли развернуться самостоятельно и в силу господства в Средней Азии патриархально-родовых или патриархально-феодальных форм быта и идеологии ислама, державших в повиновении народные массы.

История знает немало фактов, когда к народному восстанию примыкают те или иные попутчики, нередко из числа господствовавших классов, внося в движение своеобразие. Так было и с национальными народными крестьянскими движениями в Средней Азии.

В этой связи необходимо отличать главные, решающие, глубинные причины того или иного национального движения от побочных, второстепенных сил, понять своеобразие, пестроту противоречий в национальном и вообще крестьянском движении, различать прогрессивные процессы движения от теневых сторон.

Все эти противоречивые тенденции, участие или даже главенство в движении феодально-клерикальных элементов с их реакционными устремлениями, несомненно, ослабляли народное движение, сужали его размах и, в конечном итоге, являлись одной из основных причин поражения всего движения.

Поэтому, изучая национальные движения, следует анализировать прежде всего внутреннюю классовую борьбу и внешние взаимоотношения, выяснить противоречивые стороны движения, отличать главные, решающие тенденции движения от второстепенных, побочных.

Нередко отдельные национальные движения считаются реакционными лишь потому, что они приобретали форму газавата. Но это лишь поверхностное, механическое рассмотрение явлений. Главным образом на этом основании в свое время было объявлено реакционным, например, движение Шамиля на Кавказе, а в Средней Азии — восстание 1898 г.

В прошлом при оценке характера национальных движений нередко исходили из субъективных факторов. Если какой-либо феодал, ишан или хан в ходе движения объявлял газават, то все выступление считалось реакционным, несмотря на участие в нем десятков тысяч трудящихся. В итоге получалось какое-то внедрение «культы личности» того или иного представителя феодальной верхушки и недооценка роли народных масс.

Известно, что в период феодализма народные движения нередко выступали под религиозной оболочкой, за которой можно и нужно различать экономические интересы угнетенных классов, их борьбу против внешних и внутренних эксплуататоров. Ф. Энгельс в работе «К истории первоначального христианства» отмечает, что в странах Востока религиозные восстания имели свои особенности. «Все эти происходившие под религиозной оболочкой движения, — писал он, — вызывались экономическими причинами; но даже в случае победы, они

оставляют неприкосновенными прежние экономические условия. Таким образом, все остается по-старому, и столкновения становятся периодическими. Напротив, в народных восстаниях христианского Запада религиозная оболочка служит лишь знаменем и прикрытием для нападения на устаревший экономический строй; последний в конце концов ниспровергается, его сменяет новый, мир развивается дальше»¹².

Нельзя забывать и известное указание В. И. Ленина о том, что «... выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличие революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению»¹³.

В связи с этим задача историка заключается в том, чтобы вскрыть эту внешнюю оболочку, отделить ее от классового содержания движения, разглядеть за религиозными чертами реальные требования социальной борьбы.

Надо сугубо критически относиться к выяснению степени иностранного влияния, внешней агентуры в тех или иных движениях. Не отрицая возможности засылки агентуры извне, не следует преувеличивать ее роль.

Известно, что в ряде статей об Андиганском восстании говорится об иностранном влиянии. В них утверждается, что это движение было вызвано главным образом интригами англо-турецкой агентуры.

Однако факты говорят, что главную причину восстания надо искать в тяжелых условиях жизни народных масс. Об этом свидетельствуют даже материалы заседаний царской Государственной думы.

15 декабря 1916 г. на чрезвычайной пятой сессии IV Государственной думы были обсуждены запросы депутатов в связи с восстанием 1916 г. в Средней Азии. Даже некоторые депутаты из числа крупных помещиков и промышленников вынуждены были признать общенародный характер восстания 1916 г. Одновременно они касались и вопросов, связанных с причинами Андиганского восстания 1898 г. В этом отношении характерна речь князя Мансырева, который, критикуя версии об иностранном вмешательстве в восстания 1898 г. и 1916 г., говорил:

«Взяточничество развито было до архивозможных пределов, и под всяким благовидным или неблагоприятным предлогом, натурой и деньгами, оно всюду и везде практиковалось как необходимое подспорье к получаемому содержанию и зачастую превышало его. Поборы производились по всякому поводу всякого административного исправления обязанностей. Наряду с этим, признаком хорошего административного тона считалось постоянное крайнее отчуждение от местного населения, выражение всяческого ему презрения и недоверия, взгляд на туземное население, как на низшую расу, не способную ни мыслить, ни чувствовать».

И далее: «Если вы в настоящее время, после печальных событий в Туркестанском крае, побеседуете с представителями местной администрации, то в громадном большинстве случаев вы найдете указания на распространяющиеся там немецкие интриги, на то, что есть известные агенты, тайные и полувывные, со стороны германизма, которые неустанно насаждают возмущение туземцев против России...»

...Постановка вопроса, идеология защитников этих интриг осталась совершенно одинаковой, и я лично могу свидетельствовать, что андиганское восстание сплошь было проявлено на точке зрения совер-

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, стр. 468, примечание.

¹³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 228.

шенно недопустимого отношения местной администрации к незадолго до производившейся всеобщей переписи, причем проявлялись связанные с нею слухи и толки среди мусульманского населения, которых никто не постарался сколько-нибудь рассеять и опровергнуть; так и в настоящее время полная аналогия того же: безобразно проведенное высочайшее повеление, незакономерность его исполнения, совершенный произвол, при этом допущенный со стороны всех от мала до велика на административной лестнице, постоянные поборы... вот истинная причина теперешних событий, по моему глубокому убеждению»¹⁴.

Почти аналогичные признания прозвучали и в выступлениях графа Копниса¹⁵.

Среди историков имеются различные мнения и о роли национальной буржуазии в национальных движениях в Средней Азии. Некоторые исследователи, исходя из прогрессивной роли части современной национальной буржуазии в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, полагают, что национальная буржуазия Средней Азии, очевидно, играла прогрессивную роль. Этот вопрос требует тщательного изучения, причем следует избегать схематических аналогий и смешения различных эпох, а также учитывать, что слабая, малочисленная национальная буржуазия многих стран Африки в значительной мере находится еще в зависимости от иностранного капитала.

Весьма важно установить научную периодизацию истории национальных движений. На наш взгляд, здесь более или менее вырисовываются три основных (главных) этапа:

- 1) от присоединения Средней Азии к России до первой буржуазно-демократической революции в России (1865—1905 гг.);
- 2) от революции 1905—1907 гг. до Февральской революции 1917 г.;
- 3) период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март — октябрь 1917 г.).

На первом этапе национальные движения характеризовались сильной разрозненностью и разобщенностью, полным или почти полным отсутствием непосредственных связей с русским революционным рабочим движением. В движениях того времени (Кокандское восстание, движения, связанные с именами джетымханов, Андижанское восстание 1898 г. и др.) отмечалось значительное влияние феодально-клерикальных элементов; освободительные идеи и устремления народных масс в известной мере затухали и затемнялись религиозным фанатизмом, а сами движения нередко носили религиозную окраску.

Положение коренным образом изменяется с 1905 г., когда первая русская революция пробудила Азию и дала огромный толчок к развитию освободительного движения народов колониальных и зависимых стран во всем мире. По определению В. И. Ленина, «мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹⁶.

На этом втором этапе национально-освободительное движение в Средней Азии развивалось под благотворным влиянием первой русской революции, в связи с ростом всероссийского рабочего движения.

Всемирно-историческая роль революционного рабочего класса России в развертывании и укреплении фронта национально-освободитель-

¹⁴ ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив), ф. 400, Азиатская часть, д. 40, ч. 1, л. 83—85.

¹⁵ Там же, л. 86.

¹⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 146.

ной, антиколониальной, антимпериалистической борьбы угнетенных народов возрастала из года в год.

Третий этап истории национально-освободительного движения в Средней Азии характеризуется уже не только наличием непосредственных связей с революционной борьбой пролетариата России, но и слиянием национально-освободительной борьбы с социалистическим движением рабочего класса. Происходившие в этот период народные выступления отличались своей массовостью, большей организованностью, при неуклонном росте классового самосознания и политической зрелости трудящихся.

По мере развития революции усиливалась и классовая борьба трудящихся масс Средней Азии под руководством рабочего класса России во главе с большевистской партией. Происходит быстрое размежевание буржуазных и революционно-демократических сил. Об этом свидетельствуют, например, создание Советов мусульманских депутатов, общества «Иттифак», профессиональных союзов и других организаций трудящихся местных национальностей, выступавших против «шураи-исламистов» и поддерживавших ленинский лозунг «Вся власть Советам!».

Опыт революционной борьбы народов Средней Азии подтверждает, что национально-освободительное движение в конечном итоге закономерно и неизбежно органически сливается с социалистическим движением рабочего класса.

Сейчас созданы все благоприятные условия для более углубленного изучения истории национальных движений в тесной связи с рабочим социалистическим движением. С этой точки зрения, желательно пересмотреть и усилить тематику исследований по данной проблеме в Академии наук УзССР и вузах республики.

Только на основе тщательного, всестороннего изучения самих исторических фактов и событий следует делать выводы о характере тех или иных движений. Даже прогрессивное, народное национально-освободительное движение может иметь свои противоречия, темные стороны, отдельные реакционные черты, связанные с участием в нем различных социальных групп. Но все это не может перечеркнуть освободительный характер движения.

Для правильного решения вопроса о характере национально-освободительных движений следует развернуть творческие научные дискуссии, как это было сделано в 1957 и последующих годах по движению Шамиля. На основе всестороннего обсуждения этого движения был сделан почти единодушный вывод о том, что оно представляло собой справедливую освободительную борьбу народов Дагестана против завоевательной политики царизма. Одновременно отмечались и слабые стороны, реакционные черты данного движения, обусловленные социальным составом и различными целями участвовавших в борьбе слоев населения. Явно реакционными признаны, например, система имамата Шамиля, распространение и внедрение мусульманского фанатизма. Вот почему, не соглашаясь с односторонним освещением в «Очерках истории Дагестана» (1957 г.) мюридизма Шамиля, А. Д. Даниялов пишет: «Было бы неправильно идеализировать борьбу горцев и не видеть в этом движении разных социальных потоков, не осуждать реакционной сущности мюридизма»¹⁷.

Даже при общем анализе ряда национальных движений в Средней Азии также обнаруживается, что в них участвовали разные социаль-

¹⁷ А. Д. Даниялов, Семилетка Дагестана и задачи интеллигенции, Махачкала, 1959, стр. 40.

ные слои с разными целями и мотивами, наложившими свой отпечаток на ход борьбы. Поэтому необходимо глубоко и всесторонне изучить историю этих движений, выяснить противоречивые явления и их причины. Историзм, как одно из важнейших положений марксистско-ленинской методологии, всегда должен быть нашим методом. Тогда даже самые сложные и противоречивые события найдут правильное освещение и объяснение в исторической литературе.

Необходимо развернуть систематическую борьбу против всевозможных измышлений буржуазных фальсификаторов, пытающихся извратить подлинную историю и сущность национально-освободительных движений.

Надо восстановить и продолжить давнюю традицию времен «Истпарта» и «Красного Архива» по выявлению и публикации важнейших архивных материалов и мемуаров по истории революционных, национально-освободительных движений.

Следует обратить внимание и на всестороннее правдивое освещение истории героической борьбы наших предков в музеях республики. Как известно, во многих музеях в период культа личности исчезли стенды о национальных движениях. К сожалению, они до сих пор не восстановлены либо представлены очень бледно. И это положение нужно поправить с помощью историков.

Глубокое изучение истории национальных движений может быть успешно осуществлено при координации его в республиканском масштабе, в Академии наук УзССР, и установлении тесного творческого контакта с учеными других братских республик.

В этой связи желательно было бы создать специальную группу при секторе новой истории Института истории и археологии АН УзССР, которая непосредственно занималась бы этим делом. Очень важно и создание научного Совета при Отделении общественных наук АН УзССР по изучению комплексной проблемы истории рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения в Узбекистане, с привлечением к его работе не только историков, но и философов, литературоведов и др.

Нет сомнения в том, что общими усилиями Академии наук, исторических кафедр вузов, при помощи ученых Москвы, Ленинграда и братских республик мы добьемся успехов в марксистско-ленинском изучении истории национальных движений в Средней Азии.

Х. Т. Турсунов

ЎРТА ОСИЁ ХАЛҚЛАРИНИНГ МИЛЛИЙ-ОЗОДЛИК ҲАРАКАТЛАРИ ТАРИХИНИ ЎРГАНИШ МАСАЛАСИГА ДОИР

Мақола муҳим проблема — Ўрта Осиё халқларининг миллий-озодлик ҳаракатлари тарихини ўрганишга бағишланган. Мақола авторини, илгарилари бизнинг тарихий адабиётларимизда ҳар доим ҳам тўғри ёритилмаган бу масала мустаҳкам ҳужжатлар базасида чуқур, конкрет ва ҳар тарафлама ўрганишни талаб этишини таъкидлайди.

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Унингчи йил наشري

7
1966

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания десятый

Х. Т. ТУРСУНОВ

50 ЛЕТ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В УЗБЕКИСТАНЕ

Исполнилось 50 лет народного восстания 1916 года, занявшего важное место в летописи национально-освободительной борьбы узбекского и других народов Средней Азии и Казахстана и сыгравшего огромную роль в революционизировании трудящихся масс края.

Восстанию 1916 года в Средней Азии и Казахстане посвящено много трудов советских историков, в том числе книга З. А. Кастельской¹, сборник статей под общей редакцией И. К. Додонова², работы П. А. Ковалева³ и др. Изданы сборник документов и большой академический сборник⁴, в которых опубликованы воспоминания участников восстания⁵ и другие материалы. Изучению характера восстания были посвящены также научные дискуссии и сессии, состоявшиеся в 1926, 1937, 1951 и 1954 гг. в Ташкенте, Алма-Ате, Ашхабаде и Фрунзе.

Все это свидетельствует о большом внимании научной общественности к восстанию 1916 года. Изучение истории его позволяет глубже раскрыть процесс развития национально-освободительного движения народов Средней Азии как одной из важных предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

Восстание 1916 года было обусловлено всей экономической и политической обстановкой в колониальном Туркестане. Жестокий национальный и социальный гнет десятилетиями накапливал в народных массах глубокое возмущение и ненависть к царизму и местным эксплуататорам.

Противоречия между трудящимися и господствующими классами особенно обострились в период первой мировой войны, вся тяжесть которой легла на плечи трудового народа. Резко повысились налоги, многочисленные повинности и сборы. Поземельный налог в Туркестане в первый же год войны увеличился вдвое. Значительно возрос и налог на ремесленников-кустарей. Удвоились кибиточные подати с кочевого

¹ З. А. Кастельская, Восстание 1916 года в Узбекистане, Ташкент, Госиздат УзССР, 1947.

² Национально-освободительное восстание 1916 года в Узбекистане. Сб. статей под ред. проф. И. К. Додонова (в сборнике помещены статьи И. К. Додонова, Э. Мавляни, П. П. Миронова, Я. Н. Серого), Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

³ П. А. Ковалев, Тыловые рабочие в Туркестане в годы первой мировой войны, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957. (Кроме того, им опубликован ряд статей в Трудах Ташкентского университета).

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов, М., Изд-во АН СССР, 1960.

⁵ Много воспоминаний, в частности, было собрано в 1946 г. научной экспедицией АН УзССР во главе с Х. Т. Зарифовым в Джизаке. В 1956 г. Х. З. Зияев собрал воспоминания участников восстания в Маргелане, Андижане и других местах Ферганской долины. Ряд воспоминаний хранится в Музее истории Узбекистана и т. д.

населения. Был установлен дополнительный военный налог на хлопок. Возросли земские, дорожные и другие сборы с дехкан и мелких арендаторов, усилились поборы и злоупотребления волостных управителей, старшин и других должностных лиц. Широко практиковались так называемые «пожертвования» и «реквизиции на нужды войны». Все это окончательно разоряло и без того обнищавшее население края и пагубно отражалось на его экономике. Упала урожайность хлопчатника, зерновых и других сельскохозяйственных культур. В 1915 г. почти половина сельского населения края жила впроголодь, а многие кочевники и бедняки-переселенцы уже к началу года оказались без хлеба и были вынуждены продавать скот и имущество.

В 1915 г. царское правительство в угоду магнатам текстильной промышленности приняло закон об установлении очень низких закупочных цен на хлопок⁶. Этот акт в условиях, когда цены на промышленные товары и продовольствие резко возросли, поставил трудящиеся массы края в еще более тяжелое положение. В юбилейном отчете Кокандского биржевого комитета указывалось, что снижение цен привело к хаосу на хлопковом рынке; «убыточность введенной нормировки для производителей хлопка была до того очевидной, что протесты из Азии против нее, с требованием изменения, возникли тотчас же по опубликовании указанных цен»⁷.

Недовольство политикой царизма нарастало как в центральных районах России, так и среди трудящихся национальных окраин. Рост политической борьбы пролетариата промышленных центров страны оказывал революционизирующее влияние и на ее окраины.

Усилились народные волнения в Степном и Туркестанском краях. В донесении начальника Кокандского отделения жандармского управления (ноябрь 1915 г.) говорилось: «...Слухи о войне, дороговизне жизни и забастовках, которые не проникают в печать, еще более нервнируют население... нужда растет, а вместе с ней и недовольство народонаселения, могущее вылиться в открытое возмущение. Вне всякого сомнения, что левый политический элемент старается использовать настоящее положение вещей в целях дискредитирования власти». Далее отмечалось, что в край «стало больше поступать газет с.-д. направления»⁸.

К 1916 г. положение в стране еще более осложнилось. Из-за экономической отсталости страны, плохого вооружения и снабжения, бездарности командования, предательства в верхах и ряда других причин царская армия терпела поражение за поражением. Продолжавшаяся уже два года истребительная война требовала все новых пополнений. На фронт слали всех, кто мог носить оружие. Снимали людей даже с военных заводов и железных дорог. В результате создалась острая нехватка рабочих рук на военно-тыловых объектах.

В этой обстановке по предложению военного министерства⁹ был издан царский указ от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ»¹⁰.

⁶ О нормировании цен на хлопок, Кокандский биржевой комитет, 1915, Коканд, 1916, стр. 51.

⁷ Обзор хлопководства и хлопковой торговли в Фергане за 1916 г., Кокандский биржевой комитет, юбилейный отчет за 1906—1916 гг., Коканд, 1917, стр. 41.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1084, л. 2—3.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 28—30.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства, отдел I, № 182, 6 июля 1916 г., стр. 1747.

Указ предусматривал привлечение на время войны мужского «инородческого» населения в возрасте от 19 до 43 лет. Набору подлежало «инородческое» население Астраханской губернии, почти всех губерний и областей Сибири, Сырдарьинской, Ферганской, Закаспийской, Самаркандской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей, мусульманское население Терской и Кубанской областей и Закавказья.

Обнародование и выполнение указа проводилось в лихорадочной спешке. Министерство внутренних дел в секретной справке, составленной в сентябре 1916 г., признавало, что указ «испрошен был военным министром ввиду категорических требований Штаба Верховного Главнокомандующего о срочном доставлении значительной силы для нужд армии. Соответственные предложения разрабатывались в военном ведомстве с исключительной спешностью»¹¹. Царское правительство хотело как можно быстрее направить в прифронтовую полосу сотни тысяч рабочих-тыловиков, не считаясь с разгаром летних сельскохозяйственных работ.

Объявление указа застало колониальные власти Туркестана врасплох. Впоследствии туркестанский генерал-губернатор А. Куропаткин писал в докладе Главному штабу, что население и администрация края совершенно не были подготовлены к исполнению царского указа¹².

Однако представители местной администрации ревностно приступили к осуществлению «высочайшего повеления». Согласно дополнительным указаниям туркестанского и степного генерал-губернаторов, набор должен был производиться в две очереди. В первую намечалось призвать из Туркестана 250 тыс., а из Степного края — 140 тыс. человек¹³.

Набор тыловых рабочих имел ярко выраженную социальную подоплеку. Колониальные власти разработали специальные инструкции, согласно которым представители «туземной» администрации, их джигиты (вооруженная охрана), духовенство, так называемые «почетные граждане» и некоторые другие категории имущих слоев населения освобождались от набора. Кроме того, любому лицу разрешалось нанять вместо себя другого человека. Это было в интересах эксплуататорской верхушки и представителей местных властей, которые получили еще большие возможности для злоупотреблений и произвола. Даже туркестанский генерал-губернатор был вынужден отметить «целый ряд возмутительных случаев вымогательства, доходивших до арестов отдельных туземцев, не желавших подносить требуемую сумму, которой можно было откупиться от наряда». Все это усиливало ненависть народных масс к царизму и местным эксплуататорам.

Указ о мобилизации сотен тысяч людей на тыловые работы явился одной из важнейших причин восстания 1916 года. Он затрагивал кровные интересы подавляющего большинства населения. Народным массам была ненавистна грабительская империалистическая война. Мобилизация трудоспособного мужского населения грозила семьям бедняков полным разорением.

Непосредственным поводом к восстанию послужили первые же распоряжения властей «о безотлагательном составлении списков мужчин-туземцев в возрасте от 19 до 31 г.», вызвавшее резкое возмущение населения. «Брожение росло, — писал военный губернатор Самарканд-

¹¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 34.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-25, оп. 1, д. 419, л. 12.

¹³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 77, 145—147, 503, 573.

ской области генерал Н. Лыкошин, — драки и убийства вспыхивали то в одном, то в другом месте, уговоры и увещания местных властей не действовали, разъяснениям не доверяли, пока, наконец, все это не вылилось в форму открытого восстания против русского правительства»¹⁴. Куропаткин также признавал, что местное население «довольно нервно отнеслось к этому распоряжению» и «вслед за объявлением реквизиции рабочих начались беспорядки», которые охватили весь край.

Начавшееся со стихийного выступления трудящихся Ходжента 4 июля 1916 г. восстание вскоре охватило все области Туркестана и Степного края.

Стремясь предотвратить развертывавшиеся события, царские власти издали 17 июля 1916 г. указ об объявлении Туркестанского военного округа на военном положении. Однако это не могло остановить рост народного движения.

Открытое сопротивление набору происходило в Пенджикентской, Даульской, Чашмаобской, Фальгарской и других волостях Самаркандской области¹⁵. Вооруженные палками, кетменями, топорами толпы народа нападали на волостных управителей, старшин, представителей колониальной администрации. Самаркандский уездный начальник полковник А. И. Мартинсон в донесении военному губернатору области писал, что население уезда не слушает никаких распоряжений представителей власти. Далее, сообщая об избивении повстанцами старшин, Мартинсон заключал: «По-видимому, старшины эти не безгрешны при составлении списков»¹⁶.

Самаркандский военный губернатор Лыкошин в телеграмме на имя туркестанского генерал-губернатора признал провал осуществления указа. «На добровольное подчинение туземцев вряд ли можно рассчитывать», — сообщал он¹⁷.

Вслед за Самаркандским восстал Джизакский уезд. Движение разрасталось с неимоверной быстротой. Трудящиеся были возмущены указом и тем, что богатые добивались для своих сыновей освобождения от мобилизации, а местные власти творили бесчинства. Участник восстания в Джизакском уезде Абдали Уразбаев в своих воспоминаниях пишет: «По указу 3—4 дома посылали 1 мардикера. Богатые откликнулись деньгами и покупали бедняков, бедняки не имели денег и не могли откупиться, потому и начали восстание»¹⁸.

В речи на заседании Государственной думы (13 декабря 1916 г.) депутат Джафаров, анализируя начало джизакских событий, признал, что «возможность откупиться от призыва путем поставки вместо себя другого породила массу недоразумений между имущими и неимущими массами населения, именно здесь нужно искать первую вспышку того, что потом кровавым потоком разлилось по всему Джизакскому уезду... В мозгу туземцев зарождалась мысль, что начальство на стороне богатых людей, и поэтому всякий, кто имел над ними хотя бы какую-нибудь власть, будь то русский или мусульманин, в их глазах являлись виновниками того, что они должны отправляться на работу в район действующей армии. В воздухе висела угроза расправ с поря-

¹⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 161.

¹⁵ Там же, стр. 110—111, 116—117.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1135, л. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, д. 329, л. 77—94; д. 1100, л. 89 об.—90.

ботителями-богачами и теми, кто их поддерживал, то есть с начальством»¹⁹.

Встревоженный развивавшимися событиями начальник Джизакского уезда Рукин решил предупредить восстание и, собрав население г. Джизака в старогородской мечети, заявил: «Как я слышал, среди вас имеются лица, желающие оказать сопротивление, поэтому ставим на вид, я предупреждаю вас, что если вы окажете сопротивление правительству, то я сделаю так, что ваше имущество и вы сами будете сравнены с землей»²⁰. Представители «туземной» администрации Акрам тура, Мухтархан тура, Абдусамат Магзум и другие заявили уездному начальнику о полной поддержке ими царского указа и дали подписку, что будут помогать властям в осуществлении набора и предупреждении народных волнений.

Угрозы уездного начальника и поведение представителей местных властей еще более взволновали население.

Утром 13 июля большая толпа жителей старого Джизака напала на старогородского старшину М. Худоярханова, убила его и направилась в новый город. Среди участников волнения было 160—180 гончаров, возглавляемых Дамином Кулолом, 170—180 кустарей-текстильщиков под руководством Ташпулата Рахманова, 300 ремесленников во главе с Карабаем Кабуловым и Ашурматом, 90—100 мыловаров, возглавляемых Таджибаем-аксакалом, до 300 пекарей, руководимых Абдуллой Ачиловым и Курбанбаем Уруновым, и многие другие²¹.

Повстанцы убили джизакского уездного начальника полковника Рукина, пристава, двух стражников и переводчика. Прибывший к месту событий отряд солдат открыл огонь по восставшим, в результате чего было убито 11 человек.

Восстание перекинулось и на другие города и районы края. В ходе его феодально-клерикальные элементы во главе с потомком чардаринского бека Абдурахманом Джевачи пытались использовать народное движение в своих реакционных, сепаратистских целях. Они спровоцировали в некоторых волостях, межнациональную рознь, объявили «газават» («священную войну») против русских. Но широкие народные массы не поддержали их, и эта авантюра потерпела провал.

К восстанию в Самаркандской области хронологически примыкают события в Сырдарьинской области. Наиболее значительными были выступления народных масс в Ташкенте — главном административном центре Туркестанского генерал-губернаторства, а также в Той-Тюбе (22 июля) и Чимбае (28 июля).

Несмотря на репрессии царских карателей, восстание расширялось и вскоре охватило Ферганскую долину, где, по официальным данным колониальной администрации, произошло в три с лишним раза больше народных выступлений, чем в Самаркандской или Сырдарьинской областях. В Ферганской долине, где социальные противоречия носили особенно острый характер, в движении участвовали более широкие слои трудящихся кишлаков и городов. В Маргилане, например, в нем участвовало свыше 25 тыс. человек. Они убили несколько аксакалов и полицейских чинов²². Аналогичные выступления произошли в Андижане, Намангане и многих других местах.

¹⁹ Материалы Джизакской научной экспедиции..., т. I, стр. 21.

²⁰ Цит по кн.: З. Д. Кастельская, указ. соч., стр. 84.

²¹ Т. Урунхужаев, Унутилмас кунлар, Тошкент, 1961, стр. 52.

²² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 229; ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 1068, л. 54—62.

Из известных нам выступлений, состоявшихся в июле 1916 г. в Ферганской области, в 14 случаях произошли кровавые столкновения с войсками и полицией. По официальным данным, было убито 56 восставших и ранено 109, из которых 28 умерли от тяжелых ран²³. В действительности же число убитых и раненых было гораздо больше, ибо, как отмечал ферганский военный губернатор, нередко восставшие быстро уносили убитых и раненых, и властям не удавалось точно определить их количество²⁴.

Во время столкновений был убит один русский полицейский, ранены один офицер и пять солдат из казачьих сотен. Восставшие особенно часто нападали на представителей местных властей. По официальным (далеко неполным) данным, в Ферганской области было убито 34 человека, в том числе 8 волостных управителей, 11 сельских старшин, 5 пятидесятников, 10 джигитов, местных полицейских и др.

Волостные управители, пятидесятники, сельские старшины, казии и другие выходцы из имущих классов, были ревностными прислужниками колониальной администрации и потому вызывали особую ненависть трудящихся. В секретном донесении Туркестанского охранного отделения по поводу убийства араванского волостного управителя сообщалось, что оно «произошло ввиду сильных поборов, чинимых последним с населения». Волостной управитель вместе с писарем Гафуром вносили в призывные списки всех мужчин, а затем вычеркивали из списка тех, кто давал взятку. Так же поступали и другие управители области.

Между прочим, писарь Гафур, получавший 25 руб. в месяц, разбогател благодаря поборам так, что за два года купил себе большое земельное владение и накопил свыше 10 тыс. руб.

Многие чины низовой администрации бежали от мести народа. Ферганский военный губернатор Гиппиус сообщал в Ташкент: «Из всех уездов я получаю очень тревожные сведения. Туземная администрация уездов напугана настолько, что бежит из волостей в город, боясь кровавой расправы»²⁵.

Восстание 1916 года начало перерастать кое-где в движение дехканских масс против местных феодалов и баев. Восставшие не только убивали волостных управителей, старшин и судей, но и нападали на дома крупных землевладельцев и ростовщиков. Так, в сел. Чуама Майгирской волости Андижанского уезда повстанцами были разгромлены дома старшины и его отца — крупного ростовщика Каримбая Туракулова.

Следует отметить, что восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, возникнув как стихийное движение масс, на всем своем протяжении не имело организующего и руководящего начала. Безоружные повстанцы не в состоянии были оказать сопротивление царским войскам, учинившим кровавую расправу с участниками движения. Огню и полному уничтожению были преданы ряд кишлаков. Сгорел и старый город Джизака.

После подавления восстания с 25 июля по 15 декабря 1916 г. только по Туркестану в военно-прокурорский надзор поступило 148 дел, по которым привлекалось к ответственности свыше трех тысяч участников восстания. Из преданных суду лишь по 40 делам 587 человек были приговорены: к смертной казни — 202, к каторжным

²³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1100, л. 40, 44.

²⁴ Там же, л. 40.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 1132, л. 44.

работам — 104, а остальные — к тюремному заключению. После утверждения приговоров главнокомандующим военным округом 20 человек были казнены, 162 отправлены на каторжные работы, остальные заключены в тюрьму²⁶. Так же действовали военно-полевые суды и в Казахской степи.

Основными причинами поражения восстания были отсутствие непосредственного руководства им со стороны рабочего класса, стихийность и разрозненность, свойственные всем крестьянским движениям. Однако в стычках и боях с царскими войсками, карательными отрядами, полицией, кулацко-байскими бандами трудящиеся массы коренного населения Средней Азии и Казахстана прошли большую школу революционной борьбы, воочию увидели своих истинных друзей и врагов.

Восстание 1916 года, как одно из крупнейших национально-освободительных движений в царской России эпохи империализма, имеет важное значение в истории народов Узбекистана. Оно было прямым результатом назревшего в России революционного кризиса и способствовало дальнейшему подъему движения народных масс против царизма. В этом — важнейший итог и значение восстания 1916 года, направленного против царизма и империалистической войны. Начавшись как антиколониальное и антиимпериалистическое, оно постепенно переросло в антифеодальное движение.

Народное движение проходило в различных формах — от демонстраций протеста, возмущений, ухода рабочих с предприятий, а батраков — из байских и кулацких хозяйств — до открытых массовых выступлений. Оно носило национально-освободительный характер и было направлено против колониального гнета, представляя собой часть общей борьбы народов России против войны и царского самодержавия.

Основной движущей силой восстания были трудящиеся кишлака и аула — дехкане и скотоводы, а потому оно приобрело характер крестьянской войны. Активное участие в восстании приняли также трудящиеся городов — местные рабочие, полупролетарские элементы, ремесленники, представители демократической интеллигенции.

В ходе восстания из народной среды выдвинулись подлинные вожаки масс — Ачил Бабаджанов, Юлчи Ибрагимов, Гулям Камалов и многие другие.

Одной из характерных особенностей восстания, показывающих его всенародный характер, является широкое участие в нем женщин, веками находившихся в рабском положении в обществе и семье.

Национальная буржуазия, феодально-байские элементы и мусульманское духовенство сыграли в восстании реакционную, предательскую роль. Находясь в зависимости от царизма и русской империалистической буржуазии, боясь широкого размаха революционного освободительного движения, национальная буржуазия открыто перешла в лагерь реакции. Она не только не участвовала в восстании, но активно помогала колониальной администрации подавлять народное движение и осуществлять царский указ о наборе. Оппозиция части национальной буржуазии не шла дальше подачи прошений об отсрочке мобилизации, оставлении части мобилизованных для работы в байских хозяйствах, промышленных заведениях и т. п.

В. И. Ленин писал, что «буржуазия угнетенных наций только болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные

²⁶ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 73.

сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и против своего народа»²⁷. Эта характеристика вполне применима и к национальной буржуазии Средней Азии и Казахстана.

В ходе восстания трудящиеся массы Средней Азии все глубже убеждались в том, что они могут избавиться от всякого социального и национального гнета только при помощи и под руководством русского пролетариата. «Диалектика истории такова, — писал В. И. Ленин, — что мелкие нации, бессильные, как самостоятельный фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену настоящей силы против империализма, именно: социалистического пролетариата»²⁸. В свете этого положения восстание народов Средней Азии и Казахстана 1916 года надо рассматривать как один из важных факторов, способствовавших усилению революционного движения рабочего класса России.

Восстание серьезно обеспокоило царское правительство, которое принимало лихорадочные меры к усилению гарнизонов в Туркестане и созданию карательных отрядов, перебрасывало сюда воинские части из внутренних губерний России. Против повстанческого движения было направлено 14 батальонов солдат, 33 сотни казаков, 10 орудийных и пулеметных расчетов.

Упорное сопротивление народных масс помешало царскому правительству осуществить в Средней Азии и Казахстане в полном объеме набор рабочих на военно-тыловые работы. На 1 марта 1917 г. из Туркестана было отправлено 123 тыс. рабочих-тыловиков²⁹, т. е. менее половины первоначального плана набора.

Несмотря на поражение восстания, оно имело большое социально-политическое значение, ускорило рост классового самосознания и подъем революционного движения трудящихся масс.

В заключение хочется сказать несколько слов о дальнейших задачах изучения истории данного движения.

Хотя по истории восстания опубликовано немало работ и сборников документов, нам предстоит еще многое сделать в этом направлении. Требуется более глубокий анализ социального состава участников движения. Исследователи располагают для этого многочисленными архивными источниками, в частности материалами царских военных судов над повстанцами, которые позволяют полнее раскрыть характер восстания и его движущие силы. Кстати, многие из этих материалов все еще не опубликованы. Следует принять меры к публикации новых сборников документов и шире использовать их в исследованиях.

До сих пор слабо изучен вопрос о роли русских рабочих и социал-демократических организаций Туркестана в восстании 1916 года. Историками выявлены пока лишь некоторые факты, свидетельствующие о благожелательном отношении передовых русских людей к восстанию (например, о русском враче Стец, спасавшем и лечившем раненых повстанцев), о связях большевиков с тургайским восстанием и др.³⁰ Необходимо тщательное исследование связи рабочего движения с национально-освободительным движением в Туркестане.

²⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 113.

²⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 56.

²⁹ П. А. Ковалев, Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 82.

³⁰ Об этом подробнее см.: Х. Т. Турсунов, Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1962.

Не все еще сделано нами в разоблачении буржуазных фальсификаторов истории, которые продолжают извращать характер и движущие силы восстания 1916 года. Глубокая критика домыслов буржуазных историков позволит полнее раскрыть сущность и характер восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане.

В изучении истории восстания важное значение имеет фольклор. В народных песнях, поэмах бахши, посвященных событиям 1916 г., отражены страдания масс от произвола и насилия эксплуататоров, начало и ход народной борьбы, недостатки и уроки движения. В этом отношении заслуживают всяческой поддержки многолетние плодотворные исследования наших фольклористов — доктора филол. наук Х. Т. Зарифова, кандидатов филол. наук М. Афзалова, М. Алавия и других. Дальнейший сбор и научный анализ произведений народного творчества позволят полнее раскрыть картину этого массового народного движения.

Всеобщее признание получили произведения наших писателей и деятелей искусства, воссоздавших немеркнущие образы героев восстания 1916 года. Роман Айбека «Священная кровь», переведенный на многие языки мира, стал одной из любимых и волнующих книг миллионов читателей. Это монументальное художественное произведение имеет большое значение и в освещении восстания 1916 года. Созданные на основе романа драма и кинофильмы еще более приблизили героев восстания к нашим современникам. Много ценных материалов о восстании 1916 года содержится также в произведениях Назира Сафарова.

Нашим писателям, поэтам, деятелям искусства надо создавать новые художественные произведения, всесторонне освещающие восстание 1916 года и другие революционные выступления узбекского народа, что имеет огромное значение для воспитания советской молодежи на замечательных революционных традициях прошлого.
